

Глава 1

Неожиданное известие

Сам Седрик ничего о прошлом семьи не ведал. При нём об этом даже не упоминали. Он знал, что отец его был англичанин, потому что ему сказала об этом мама; но отец умер, когда он был ещё совсем маленьким, так что он почти ничего о нём и не помнил — только что он был высокий, с голубыми глазами и длинными усами, и как это было замечательно, когда он носил Седрика на плече по комнате. После смерти отца Седрик обнаружил, что с мамой о нём лучше не говорить. Когда отец заболел, Седрика отправили к друзьям погостить, а когда он вернулся, всё было кончено; а мама, которая тоже очень болела, только-только стала подниматься с постели, чтобы посидеть в кресле у окна. Она побледнела и похудела, ямочки исчезли с её милого лица, а глаза стали большими и грустными. Одетая она была в чёрное.

— Дорогая, — сказал Седрик (так называл её отец, и мальчик перенял у него эту привычку), — Дорогая, папа выздоровел?

Плечи её задрожали, и он заглянул ей в лицо. В глазах у неё было такое выражение, что он понял: сейчас она заплачет.

— Дорогая, — повторил он, — папе лучше?

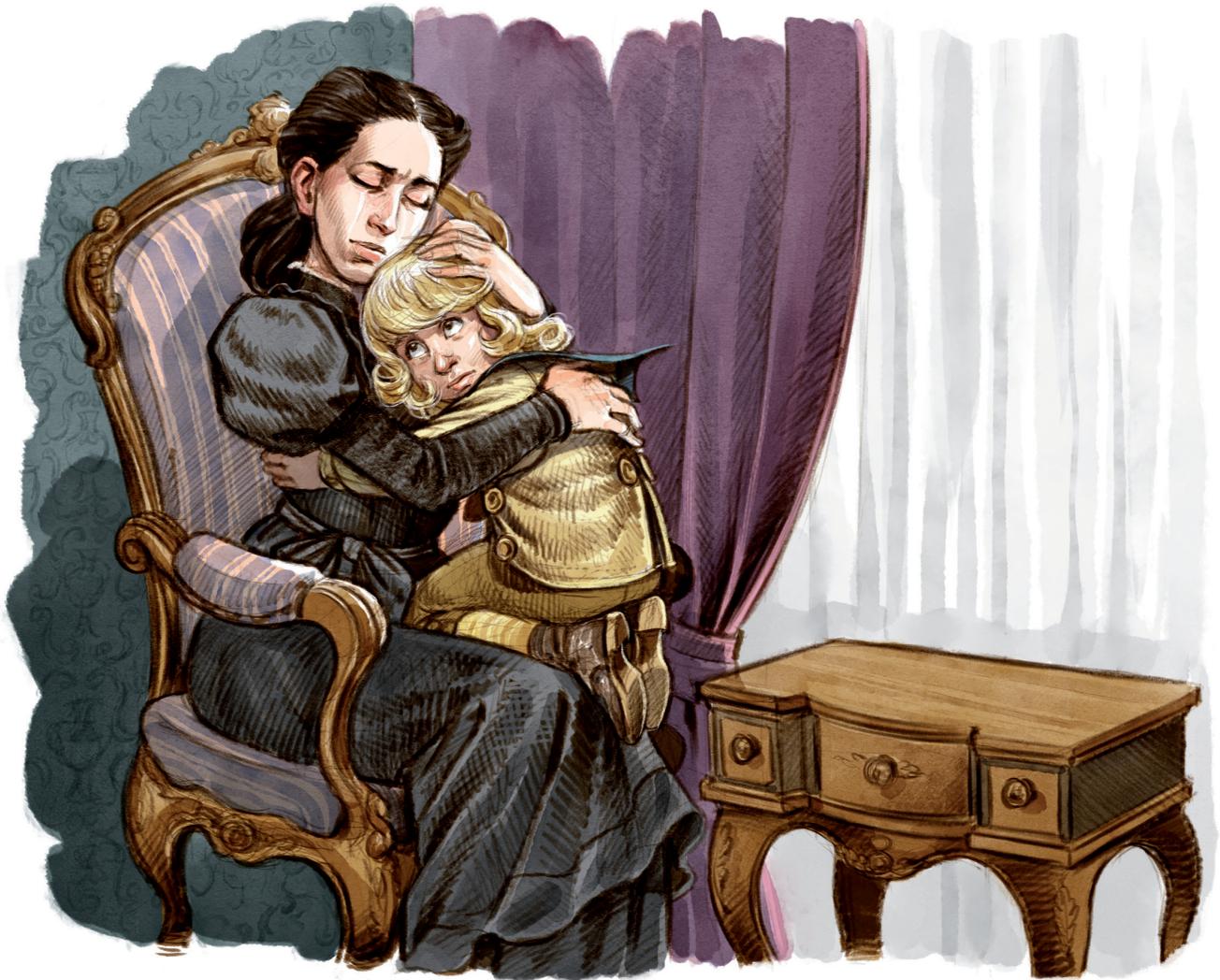
Внезапно сердце ему подсказало, что надо поскорей её обнять, и расцеловать, и прижаться мягкой щекой к её лицу; он так и поступил, а она склонила голову ему на плечо и горько заплакала, крепко обхватив его руками, словно не желая отпускать.

— О да, ему лучше, — отвечала она с рыданием, — ему совсем, совсем хорошо! А у нас с тобой никого больше нет. Никого во всём белом свете!

И тогда, как ни был он мал, Седрик понял, что отец, такой большой, молодой и красивый, больше не вернётся; что он умер, как некоторые другие люди, о смерти

которых он слышал, хоть и не понимал, что это такое и почему мама так грустит. Но так как она всегда плакала, когда он заговаривал об отце, он про себя решил, что лучше не говорить с ней о нём; и ещё он заметил, что лучше не позволять ей задумываться, глядя в окно или в огонь, играющий в камине. Знакомых у них с мамой почти не было, и жили они весьма уединённо, хоть Седрик этого и не замечал, пока не подрос и не узнал, почему их никто не навещает.

Дело в том, что, когда отец женился на его маме, мама была сиротой и у неё никого не было. Она была прехорошенькая и жила в компаньонках у богатой старухи,

которая плохо с ней обращалась, и однажды капитан Седрик Эррол, приглашённый к старухе в гости, увидел, как молоденькая компаньонка в слезах взбежала по лестнице; она была так прелестна, нежна и печальна, что капитан не мог её забыть. И после всяческих странных происшествий они познакомились и полюбили друг друга, а потом и поженились, хотя их брак кое-кому не понравился.

Больше всех разгневался старый отец капитана — он жил в Англии и был весьма богатый и знатный аристократ; он обладал весьма дурным нравом и ненавидел Америку и американцев. У него было ещё два сына, старше капитана Седрика; но только родившемуся первому по закону надлежало унаследовать фамильный титул и великолепные имения; в случае смерти первого сына наследником становился второй; а капитан Седрик, хоть он и был членом такой знатной семьи, не мог надеяться на богатство. Однако случилось так, что природа щедро наделила младшего сына всем, в чём она отказала его братьям. Он был не только красив, строен и изящен, но и отважен и великодушен; и обладал не только ясной улыбкой и приятным голосом, но и на редкость добрым сердцем и, казалось, умел заслужить всеобщую любовь.

Старшие братья не отличались ни красотой, ни добрым нравом, ни умом. В Итоне¹ никто с ними не дружил; в колледже они учились без интереса и только даром тратили время и деньги, не находя и здесь настоящих друзей. Старого графа, своего отца, они без конца огорчали и ставили в неловкое положение; его наследник не делал чести фамильному имени и обещал стать просто самовлюблённым и расточительным ничтожеством, лишённым мужества и благородства. Граф с горечью думал о том, что младший сын, которому предстояло получить лишь весьма скромное состояние, был милым, красивым и крепким юношей. Порой он готов был рассердиться на него за то, что ему достались все те достоинства, которые так подходили бы пышному титулу и великолепным имениям; и всё же упрямый и надменный старик всем сердцем любил своего младшего сына.

Однажды в порыве досады он отправил капитана Седрика в Америку — пусть себе попутешествует, тогда можно будет не сравнивать его постоянно с братьями, которые в то время особенно досаждали отцу своими выходками. Однако спустя полгода граф начал втайне скучать по сыну — он отправил капитану Седрику письмо, в котором велел ему возвращаться домой. В это же время капитан тоже послал отцу письмо, в котором сообщал, что полюбил хорошенькую американку и намерен жениться на ней. Граф, получив письмо, пришёл в ярость. Как ни суров был его нрав, он никогда не давал ему воли так, как в тот день, когда он прочитал письмо капитана. Он так разгневался, что камердинер, который находился в комнате, когда принесли письмо, испугался, как бы милорда не хватил удар. В гневе своём он был страшен. Целый

¹ Учебное заведение, в котором учатся дети высшей аристократии Англии.

час он метался, как тигр в клетке, а потом сел и написал сыну, чтобы тот никогда больше не показывался ему на глаза и не писал ни отцу, ни братьям. Может жить как хочет и умереть где хочет, а о семье пусть забудет и пусть до конца дней не ждёт от отца никакой помощи.

Капитан очень опечалился, прочитав это письмо; он любил Англию, а ещё больше — красивый дом, в котором родился; он любил даже своего своенравного отца и сочувствовал ему; однако он знал, что теперь ему нечего надеяться на него. Поначалу он совсем растерялся: он не был приучен к труду, опыта в делах у него не было; зато у него было вдоволь решимости и мужества. Он продал свой офицерский патент, нашёл себе — не без труда — место в Нью-Йорке и женился. По сравнению с прежней его жизнью в Англии перемена в обстоятельствах казалась очень велика, но он был счастлив и молод и надеялся, что, прилежно трудясь, достигнет многого в будущем. Он купил небольшой дом на одной из тихих улочек; там родился его малыш, и всё там было так просто, весело и мило, что он ни разу ни на миг не пожалел, что женился на хорошенькой компаньонке богатой старухи: жена была так прелестна и любила его, а он любил её.

Она и вправду была совершенно прелестна, а малыш походил и на неё, и на отца. Хоть он и родился в таком тихом и скромном доме, казалось, что счастливее малыша не найти. Во-первых, он никогда не болел, а потому не доставлял никому забот; во-вторых, характер у него был такой милый и вёл он себя так очаровательно, что всех только радовал; а в-третьих, он был на удивление хорош собой. Он появился на свет с чудесными волосами, мягкими, тонкими и золотистыми, не то что другие младенцы, которые рождаются с голенькой головкой; волосы у него вились на концах, а когда ему исполнилось полгода, завились крупными кольцами; у него были большие карие глаза, длинные-предлинные ресницы и очаровательное личико; а спинка и ножки были такие крепкие, что в девять месяцев он уже начал ходить; вёл же он себя всегда столь хорошо, что залюбуешься. Он всех считал друзьями, и если кто-нибудь заговаривал с ним, когда его вывозили в коляске погулять, он внимательно смотрел своими карими глазами, а потом так приветливо улыбался, что не было по соседству ни одного человека, который не радовался бы, завидев его, не исключая бакалейщика из угловой лавки, которого все считали брюзгой. И с каждым месяцем он всё умнел и хорошел.

Когда же Седрик подрос и начал выходить на прогулку, волоча за собой игрушечную тележку, то вызывал всеобщее восхищение, так он был мил и ладен собой в своей короткой белой шотландской юбочке и большой белой шляпе на золотистых кудрях. Вернувшись домой, няня рассказывала миссис Эррол о том, как дамы останавливали коляски, чтобы посмотреть на него и поговорить с ним. Как они радовались, когда

он весело болтал с ними, будто век был с ними знаком! Более всего пленял он тем, что умел без труда подружиться с людьми. Происходило это, скорее всего, из-за его доверчивости и доброго сердца — он был расположен ко всем и хотел, чтобы всем было так же хорошо, как ему. Он легко угадывал чувства людей, возможно оттого, что жил с родителями, которые были любящими, заботливыми, нежными и хорошо воспитанными людьми. Маленький Седрик никогда не слышал недоброго или грубого слова; его всегда любили, о нём заботились, и детская его душа исполнилась доброты и открытой приязни. Он слышал, что отец называл маму нежными и ласковыми именами, и сам называл её так же; он видел, что отец оберегал её и заботился о ней, и сам научился тому же. И потому, когда он понял, что отец больше не вернётся, и увидел, как печалится мама, им понемногу овладела мысль, что он должен постараться сделать её счастливой. Он был ещё совсем ребёнком, но думал об этом, когда садился к ней на колени, целовал её и клал свою кудрявую головку ей на плечо, и когда показывал ей свои игрушки и книжки с картинками, и когда влезал на диван, чтобы прилечь рядом с ней. Он был ещё мал и не знал, что бы ещё ему сделать, но делал всё, что мог, и даже не подозревал, какое он для неё утешение. Однажды он услышал, как она говорит служанке:

— Ах, Мэри, я вижу, что он хочет на свой лад меня утешить. Он иногда смотрит на меня с такой любовью и недоумением в глазах, словно жалеет меня, а потом вдруг подойдёт и обнимет или покажет мне что-нибудь. Он настоящий маленький мужчина, и мне, право, кажется, что он всё знает!

По мере того как он рос, у него появились свои привычки, которые необычайно забавляли и занимали всех, кто его знал. Он проводил так много времени с матерью, что она почти и не нуждалась более ни в ком. Они и гуляли, и болтали, и играли вместе. Читать он научился очень рано, а научившись, ложился обычно вечером на коврик перед камином и читал вслух — то сказки, а то большие книги для взрослых, а то так даже и газеты; и Мэри в таких случаях не раз слышала у себя в кухне, как миссис Эррол смеётся над его забавными замечаниями.

— И то сказать, — сообщила Мэри как-то бакалейщику, — послушать, что он говорит, так и не хочешь, а рассмеёшься. Уж так-то забавно он всё говорит и так обходительно! А вот в тот вечер, когда выбрали нового президента, явился он ко мне на кухню, стал у плиты, ручки в карманах, картинка, да и только, а личиком-то строг, как судья. И заявляет: «Мэри, меня очень интересуют выборы. Я — республиканец, и Дорогая тоже. А ты, Мэри, республиканка?» А я ему в ответ: «Нет уж, извините. Я демократка, да из самых крепких». А он глянул на меня так, что сердце у меня сжалось, и говорит: «Мэри, стране будет плохо». И с той поры дня не проходит, чтобы он со мной не спорил, всё убеждает сменить взгляды.

Мэри очень привязалась к малышу и очень им гордилась. Она поступила в дом, когда он только родился; а после смерти капитана Эррола она была и за кухарку, и за горничную, и за няньку, и делала всё по дому. Она гордилась Седриком — его манерами, ловкостью и здоровьем, но больше всего — его золотистыми кудрями, которые вились надо лбом и падали прелестными локонами ему на плечи. Она трудилась не покладая рук и помогала миссис Эррол шить ему одежду и содержать её в порядке.

— Он у нас настоящий аристократ, а? — говаривала она. — Право слово, другого такого ребёнка даже на Пятой авеню¹ не сыщешь! И как хорошо выступает в чёрном бархатном костюмчике, что мы из хозяйкиного старого платья перешили. Голову держит высоко, а кудряшки так и развеваются, так и сияют... Ну прямо маленький лорд, право слово!

Седрик и не догадывался, что выглядит словно маленький лорд, — он и слова-то такого не знал.

Самым большим его другом был бакалейщик из угловой лавки — сердитый бакалейщик, который, однако, на него никогда не сердился. Бакалейщика звали мистер Хоббс, и Седрик его уважал и восхищался им. Он считал мистера Хоббса очень богатым и могущественным: ведь у него в лавке было столько всяких разностей — инжир и чернослив, печенье и апельсины; а ещё у него была лошадь с тележкой. Седрик любил и булочника, и молочника, и торговку яблоками, но мистера Хоббса он любил больше всех и так с ним сдружился, что каждый день его навещал и частенько подолгу сидел у него, обсуждая последние новости. О чём только они не говорили! Ну, вот хотя бы о Четвёртом июля². Стоило разговору зайти о Четвёртом июля, как конца-краю ему уже не предвиделось. Мистер Хоббс отзывался весьма пренебрежительно о «британцах», излагал всю историю Революции, вспоминал удивительные и патриотические истории, говорил о жестокости врага и отваге героев Борьбы за независимость и даже цитировал большие куски из Декларации независимости. Седрик приходил в такое волнение, что глаза у него сияли, а кудри прыгали по плечам. Вернувшись домой, он с нетерпением ждал, когда они отобедают — так ему хотелось пересказать всё маме. Возможно, от мистера Хоббса он и перенял интерес к политике. Мистер Хоббс любил читать газеты — и Седрик знал обо всём, что творится в Вашингтоне³; мистер Хоббс не упускал случая сообщить ему, выполняет президент свой долг или нет. А когда во время очередных выборов всё шло, по его мнению, прямо великолепно, их интерес к политике достиг своего высшего предела. И казалось, если б не мистер Хоббс с Седриком, страна могла бы просто погибнуть.

¹ Одна из лучших улиц Нью-Йорка, где живёт наиболее богатая часть населения города.

² Национальный праздник в Соединённых Штатах — День провозглашения независимости.

³ Столица Соединённых Штатов.

Именно тогда мистер Хоббс взял его с собой посмотреть на большое факельное шествие, и немало горожан из тех, кто несли в ту ночь факелы, вспоминали потом полного мужчину, что стоял у фонарного столба, держа на плече красивого мальчика, который что-то кричал и размахивал шапкой.

Вскоре после выборов (Седрику в это время шёл уже восьмой год) произошло одно удивительное событие, разом изменившее всю его жизнь. Любопытно, что в этот день он как раз беседовал с мистером Хоббсом об Англии и королеве, и мистер Хоббс весьма сурово отзывался об аристократии — особенно он возмущался всякими графами и маркизами. Утро выдалось жаркое; наигравшись с товарищами в войну, Седрик зашёл в лавку передохнуть и увидел, что мистер Хоббс с мрачным видом листает «Иллюстрированные лондонские новости».

— Полюбуйся, — сказал мистер Хоббс, показывая Седрику фотографию какой-то придворной церемонии, — вот как они сейчас развлекаются! Но погоди, им ещё достанется, когда восстанут те, кого они поработили, и они полетят вверх тормашками — все эти графья, маркизы и прочие! Этого не избежать, пусть поостерегутся!

Седрик устроился на высоком табурете, на котором он обычно сидел, сдвинул шапку на затылок, а руки, в подражание мистеру Хоббсу, сунул в карманы.

— А много вы маркизов и герцогов встречали, мистер Хоббс? — спросил Седрик.

— Нет, — отвечал с негодованием мистер Хоббс, — нет уж, уволь! Пусть бы хоть один попробовал сюда заявиться — увидел бы тогда! Я не потерплю, чтобы эти жадные тираны сидели тут на моих ящиках с печеньем!

И он с гордостью огляделся и вытер лоб платком.

— Может, они отказались бы от своих титулов, если бы знали, что к чему, — предположил Седрик. Ему было немного жаль этих несчастных аристократов.

— Ну, нет! — фыркнул мистер Хоббс. — Они ими гордятся. Такими уж они родились. Подлые душонки!

Так они беседовали — как вдруг дверь отворилась и в лавку вошла Мэри. Седрик подумал было, что она забежала купить сахару, но ошибся. Она была бледна и казалась чем-то взволнованной.

— Идём-ка домой, голубчик, — сказала она, — хозяйка тебя зовёт.

Седрик соскользнул с табуретки.

— Она хочет, чтобы я пошёл с ней гулять, да, Мэри? — спросил Седрик.

— До свиданья, мистер Хоббс. Скоро увидимся.

Он удивился, заметив, что Мэри смотрит на него во все глаза и почему-то качает головой.

— Что с тобой, Мэри? — удивился он. — Тебе нехорошо? Это от жары, да?

— Нет, — отвечала Мэри, — странные у нас дела происходят.

— Может, у Дорогой голова от солнца разболелась? — забеспокоился он. Но дело было не в этом.

Подойдя к дому, он увидел у дверей коляску, а в маленькой гостиной кто-то беседовал с мамой. Мэри повела его побыстрее наверх, нарядила в выходной костюм кремового цвета, повязала красный шарф вокруг пояса и расчесала ему кудри.

— Ах вот как, милорды? — бормотала она. — И знать, и дворяне... Да провались они! Ещё чего не хватало — лордов всяких!

Всё это было непонятно, но Седрик не сомневался, что мама всё ему объяснит, и не стал ни о чём расспрашивать Мэри. Когда одевание его было окончено, он сбежал по лестнице вниз и вошёл в гостиную. Худощавый старый джентльмен с умным лицом сидел в кресле. Перед ним, бледная, со слезами в глазах, стояла мама.

— Ах, Седди! — вскричала она и, кинувшись к нему, обняла и поцеловала его с волнением и испугом. — Ах, Седди, голубчик!

Высокий худой джентльмен встал с кресла и кинул на Седрика пронизательный взгляд, глядя подбородок костлявыми пальцами. Вид у него был довольный.

— Так вот он какой, — произнёс худой джентльмен медленно, — маленький лорд Фаунтлерой.

